

УДК 94(470.345)

Евгений Николаевич Бикейкин, Галина Александровна Куршева,
Павел Сергеевич Учватов

ПЕРВЫЙ ВСЕРОССИЙСКИЙ СЪЕЗД МОРДОВСКОГО НАРОДА КАК РЕАКЦИЯ НА СОВЕТСКУЮ НАЦИОНАЛЬНУЮ ПОЛИТИКУ

Первый Всероссийский съезд мордовского народа, состоявшийся в Саранске 14 — 15 марта 1992 г., стал знаковым, во многом символическим событием своего времени. Инекужо — «великое собрание», как назвал этот форум один из его организаторов Д. Т. Надькин, собрало делегатов не только из Саранска, районов Мордовской республики, но и из других регионов страны. Съезд был призван отразить существовавшие проблемы и выразить интересы всего мордовского народа, и его значение выходило за пределы общественно-политической и культурной жизни одного региона. По выражению политолога и краеведа В. Ф. Кирдяшова, свидетеля бурных общественных перемен начала 1990-х гг., съезд «пробудил национальную жизнь»¹.

В силу своего особого статуса и роли съезд вызывал и продолжает вызывать существенный интерес в региональной гуманитарной науке, и, несмотря на незначительный, по историческим меркам, хронологический период, разделяющий «великое собрание» мордовского народа с современностью, данная проблематика отражена во многих научных трудах. Так, вопросы, связанные с организацией и проведением съезда, за-

трагиваются в работах В. К. Абрамова², В. В. Маресьева³, А. А. Утешева и Т. И. Щербаковой⁴, В. А. Юрчёнкова⁵ и других исследователей⁶. Сегодня, когда со времени проведения съезда исполняется 30 лет, имеет смысл обратиться к этой теме еще раз, восстановив сопутствующие обстоятельства и проанализировав ту роль, которую сыграл съезд в развитии мордовского национального движения.

Советская национальная политика и возрождение национального движения в Мордовии в конце 1980-х — начале 1990-х гг.

На протяжении десятилетий национальная политика Советского государства осуществлялась в русле официальной марксистско-ленинской идеологии. За ее реализацию отвечали, прежде всего, партийные органы, начиная от ЦК КПСС и заканчивая городскими и районными комитетами партии. Кроме того, идеологической сферы, неразрывно связанной с национальной политикой, касался ряд государственных органов разных уровней. Среди республиканских органов власти Мордовской АССР этими вопросами так или иначе занимались Верховный Совет и его Президиум, Совет Министров, а также некоторые исполнительные

и распорядительные органы, подчинявшиеся Совету Министров — Министерство культуры, Министерство просвещения и другие ведомства.

На официальном уровне властями была взята на вооружение так называемая концепция «слияния наций». Она исходила из положения, что в результате социалистических преобразований общества и сближения всех классов, наций и народностей происходит формирование единого интернационального советского народа. Выступая на XXII съезде КПСС в 1961 г., советский лидер Н. С. Хрущев отмечал: «В СССР сложилась новая историческая общность людей различных национальностей, имеющих общие характерные черты, — советский народ. Они имеют общую социалистическую Родину — СССР, общую экономическую базу — социалистическое хозяйство, общую социально-классовую структуру, общее мировоззрение — марксизм-ленинизм, общую цель — построение коммунизма, много общих черт в духовном облике, в психологии»⁷. Свое закрепление эта идея получила и в советской Конституции 1977 г., где провозглашалось, что в СССР сложилась «новая историческая общность людей — советский народ»⁸.

В эпоху позднего социализма, когда в стране отсутствовали серьезные межнациональные конфликты, казалось, что такая национальная политика имела под собой прочное обоснование.

Мордовская АССР, в которой, несмотря на многонациональный состав населения, даже в последние годы советской власти не было открытых проявлений напряжения между представителями разных национальностей, всегда относилась к спокойным регионам. Показательным является отчет Совета Министров МАССР на 12-й (внеочередной) сессии Верховного Совета (22 сентября 1989 г.), в котором национальной политике было уделено лишь незначительное внимание. «В республике нет каких-либо острых проблем, коллизий, связанных с межнациональным общением. Тем не менее у нас в этом вопросе не должно быть места для благодушия. Воспитание трудящихся в духе нетерпимости к любым проявлениям национальной ограниченности и кичливости, глубокого уважения ко всем нациям и народностям — важнейшая задача Советов депутатов на современном этапе»⁹, — такова была позиция Правительства МАССР.

Но стабильность имела свою цену. Как пишет В. В. Маресьев, «при всем том, что партийное руководство республики демонстрировало показное уважение национальной „специфики“ и „поощряло“ развитие мордовской науки и литературы, реальная его деятельность... свидетельствовала о стремлении как можно быстрее „интернационализировать“ Мордовию»¹⁰.

Действия региональных советско-партийных органов власти были направлены прежде всего на проведение в жизнь политики центра, но не всегда учитывали национальную специфику региона. Например, спорными в этом плане оказались результаты школьной реформы 1958 г. Призванная обеспечить лучшую связь школы с вузом и практикой, она имела и отрицательные последствия, наи-

более заметным из которых стало вытеснение в республике мордовских языков из системы среднего образования. Отрицательные факторы в области развития национальной культуры и языков особенно стали проявляться в 1970 — 80-е гг. Постепенно уменьшались тиражи мордовских газет и журналов, реже ставились пьесы на мордовских языках, плохо раскупались книги на мокшанском и эрзянском в магазинах¹¹. Цензура в литературных произведениях, газетах и искусстве, вездущая официальная идеология, навязывание стиля «социалистического реализма» приводили к шаблонности и негативно сказывались на культуре и любом творчестве. Но даже в таких условиях в 1970 — 80-х гг. в Мордовской АССР «началось вызревание новых тенденций в творческой жизни»¹².

При всех негативных явлениях именно в советский период истории страны в Мордовии сформировалась достаточно многочисленная национальная интеллигенция. Ее представители не могли не осознавать наличия в республике серьезных системных проблем, связанных с ущемлением национальной культуры, языков и традиций, однако вплоть до конца 1980-х гг. не имели возможности открыто на них указывать. При этом нельзя сказать, что со стороны интеллигенции не было никаких попыток противодействия. Так, еще в 1959 г., выступая на одном из заседаний Верховного Совета МАССР, профессор М. Н. Коляденков признавал, что ведущаяся перестройка национальной школы вызывала немало возражений¹³. Конечно, подобные «возражения» не могли существенно повлиять на работу советско-партийных органов. Сама интеллигенция, равно как и общественно-культурная жизнь в целом, находилась под полным контролем со стороны власти вплоть до конца 1980-х гг.

Развернувшиеся в республике перестроечные процессы, связан-

ные с введением гласности и ослаблением контроля партии и государства над обществом, позволили национальной интеллигенции поднять голову. В Мордовской АССР начали создаваться общественные и культурно-просветительные организации, деятельность которых была направлена на этнокультурное возрождение мордовского народа. Наиболее заметным среди них являлось общество национального возрождения «Масторава» («Родина-мать»), председателем которого был избран известный ученый-лингвист, профессор Мордовского педагогического института Д. Т. Надькин. Ядро общества составили работники мордовской национальности из научно-образовательной и культурной сфер.

Позиция центральных властей не только не препятствовала национальному движению, но порой и служила дополнительным импульсом для его активизации. Так, 19 — 20 сентября 1989 г. в Москве состоялся Пленум ЦК КПСС, на котором был рассмотрен вопрос «О национальной политике партии в современных условиях». По итогам его обсуждения была принята платформа КПСС, где констатировалось, что проблемы национального развития и межнациональных отношений, с которыми столкнулся Советский Союз, имели корни в прошлом, а потребности национального развития игнорировались командно-административной системой¹⁴. Платформа провозгласила такие направления национальной политики, как расширение прав и возможностей всех видов национальной автономии; обеспечение равных прав каждому народу, удовлетворение специфических интересов каждой национальности; создание условий для свободного развития национальных языков и культур и др.¹⁵

Но, несмотря на исходящие из союзного центра инициативы, республиканские власти отнеслись к национальному движению с осторожностью, которая вылилась в открытое неприятие и противодей-

ствии организационному оформлению «Масторавы»¹⁶. Попытки давления на общество со стороны консервативно настроенного партийно-советского аппарата лишь привели к быстрой политизации «Масторавы», что выразилось как в участии ее членов в уличных митингах, так и в части требований, высказанных на I всесоюзном съезде общества (3 — 5 августа 1990 г.)¹⁷. В конце 1990 г. «Масторава» разработала собственный, радикальный проект декларации о суверенитете Мордовии — «Декларации о государственном суверенитете Мокшанской и Эрзянской Советской Республики». Однако идея о создании национального государства мокшан и эрзян, выдвигавшаяся обществом, не нашла поддержки среди депутатов Верховного Совета, и проект был отклонен. После этой неудавшейся попытки принятия декларации о суверенитете члены «Масторавы» на некоторое время решили отойти от политики и сосредоточиться на решении вопросов национально-культурного возрождения мордовского народа.

В декабре 1991 г. на выборах Президента МССР одержал победу русский В. Д. Гуслияников — представитель саранской технической интеллигенции. В мордовском национальном движении его избрание сразу было воспринято негативно. Ситуацию усугубили первые кадровые назначения президента, проведенные без учета национальной специфики республики. Особенно сильное неприятие со стороны национального движения вызвал русский министр народного образования О. А. Виноградов, допустивший ряд неосторожных высказываний. Уже в начале 1992 г. конфликт между новой властью и национальным движением в лице «Масторавы» настолько обострился, что начал принимать скандальные публичные формы¹⁸.

В этой непростой обстановке все более очевидным становилось понимание того, что связанные с национально-культурным возро-

В. Д. Гуслияников. 1991 г.

дением проблемы, накопившиеся за предшествующие десятилетия, нуждаются в максимально широком публичном обсуждении — причем не на площадке «Масторавы» или другого общественного движения, а на более высоком уровне. Поэтому еще в середине 1991 г. общества «Масторава» и «Вайгель» («Голос») выступили с инициативой проведения народного форума — Первого Всероссийского съезда мордовского народа.

Подготовка к съезду и его открытие

На фоне развернувшегося противостояния В. Д. Гуслияникова и представителей национального движения произошло сближение последних с Председателем Верховного Совета Н. В. Бирюковым и группировавшихся вокруг него депутатов и управленцев из старой советско-партийной элиты. Этот, на первый взгляд, странный союз между бывшими коммунистами и национальной интеллигенцией оказался весьма рыхлым и непрочным; по выражению В. А. Юрченкова, «стороны не доверяли друг другу»¹⁹. В то же время инициатива обществ «Масторава» и «Вайгель» по созыву съезда мордовского народа получила поддержку со

стороны Верховного Совета МССР, что позволило в относительно короткие сроки организовать столь масштабный национальный форум. По мнению В. В. Маресьева, некоторые бывшие партийные функционеры, включая тех, кто еще недавно выступал с нападка-ми на «Мастораву», рассчитывали таким путем упрочить свои позиции, оказав на Президента МССР давление²⁰. Вероятно, сходные цели могли преследовать и лидеры национального движения, надеявшиеся на то, что В. Д. Гуслияников и его правительство не смогут проигнорировать требования, высказанные с высокой трибуны съезда.

В то же время, несмотря на явную политическую подоплеку, организаторы мероприятия в большинстве своем преследовали благородные цели. Это были патриоты своего народа, своей малой родины, радевшие за дальнейшее развитие республики. В их представлении грядущее «великое собрание» должно было стать широкой и представительной площадкой для обсуждения наиболее насущных, значимых проблем, связанных с возрождением мордовской культуры, языка, определением дальнейшей стратегии развития Мордовии. «Люди по своей воле, в свободное время занимались проблематикой возрождения и развития своего народа. И надо отдать должное, что крайностей в нашем национальном движении все же было меньше»²¹, — отмечает В. Ф. Кирдяшов.

Подготовка, которой руководил председатель организационного комитета, первый заместитель Председателя Верховного Совета МССР Н. М. Жочкин, вступила в завершающую фазу в начале 1992 г. 15 января Президиум Верховного Совета принял постановление «О проведении Съезда мордовского народа», в котором официально поддержал инициативу «Масторавы» и назначил дату мероприятия: 14 — 15 марта. Согласно этому документу, съезд созывался «в це-

лях обсуждения путей дальнейшего национального возрождения и развития мордовского народа, проживающего на территории Российской Федерации, а также в других республиках Содружества независимых государств»²². В декларации, принятой на самом съезде, также указывалось, что его участники собрались с целью «обсудить пути национального возрождения», а «главным направлением деятельности патриотических сил мокшан и эрзян на современном этапе должно стать возрождение их этнического самосознания, культуры и языка»²³. Таким образом, весь съезд изначально был пронизан идеей национального возрождения, ставшей краеугольным камнем для мордовской интеллигенции начала 1990-х гг.

26 февраля Президиум Верховного Совета принял постановление «О ходе подготовки к съезду мордовского народа в г. Саранске 14 — 15 марта 1992 г.», в котором сделал акцент на недопустимости проявления «элементов национального экстремизма, группового эгоизма и различного рода политических амбиций». Работа съезда, как отмечалось законодательным органом власти, должна быть направлена в конструктивное, спокойное русло, а средствам массовой информации запрещалось допускать «искусственное разжигание национального вопроса»²⁴.

«Великое собрание» Инекужо открылось утром 14 марта, и это время запомнилось очевидцам своей радостной, торжественной атмосферой. По воспоминаниям заместителя главного редактора газеты «Мокшень правда» Н. М. Лобанова (в 1992 г. — руководитель редакции «Сияжар»), в общественной среде царил оживление, все осознавали, что происходит совершенно особенное, новое для Мордовии явление: «К этому событию мы действительно все готовились. Не только мы, журналисты, а вся республика, мордовская общественность»²⁵. Вот как охарактеризовал начало съезда В. Ф. Кирдя-

шов: «Было возбуждение такого позитивного характера. Люди почувствовали, что происходит что-то интересное, связанное с ними. Где каждый как-то может себя выразить в национальном движении. Надежды были на то, что теперь, наконец-то, будет так, как хочет сам народ, а не только как определили — и давайте топайте, куда вам сказали»²⁶.

Дворец культуры профсоюзов в Саранске вместил 628 делегатов и почти столько же гостей²⁷. Строгой пропускной системы не существовало: на съезд мог явиться любой желающий. Организаторами была разработана культурная программа с концертом и выступлениями творческих коллективов из Мордовии, в республиканской библиотеке имени А. С. Пушкина проводились встречи с деятелями мордовского искусства, выставка эрзянской и мокшанской книги. «Я беру микрофон и говорю: „Дорогие друзья, запомните этот день, 14 марта, 1992 года. В этот день проходит первый съезд мордовского народа“. Вот с этого мы начали наш репортаж»²⁸, — рассказывал Н. М. Лобанов.

Важным фактором, повышавшим значимость съезда, было нахождение среди делегатов представителей мордовских диаспор из других регионов страны — Татарстана, Башкирии, Коми, Марий Эл, Чувашской Республики, Нижегородской, Оренбургской, Пензенской, Саратовской, Самарской и других областей; присутствовали также гости из зарубежных стран. Тем не менее каких-то норм представительства установлено не было. Видимо, давали о себе знать небольшое количество времени на подготовку, ограниченность финансовых средств, отсутствие опыта организации подобных мероприятий. Например, Саранск был представлен 198 делегатами, Ардатовский район — 12, Zubovo-Полянский — 15, Ковылкинский — 25. В. В. Маресьев подсчитал, что один избранный делегат от столицы МССР представлял около

350 горожан мордовской национальности, в то время как, например, каждый делегат от Ардатовского района выражал интересы 1 400 граждан, а от Zubovo-Полянского — 2 300. В среднем представительство по районам Мордовии составило 1 делегата на 1 200 чел., а по диаспорам из регионов России — 1 на 4 000²⁹.

Небезынтересной представляется также социально-демографическая характеристика делегатов съезда, полученная по результатам опроса НИИ регионологии Мордовского государственного университета (13 — 14 марта 1992 г.). Так, из 190 опрошенных респондентов большинство составили мужчины — 75,3 % (соответственно женщин было 24,7 %). По социальному положению большая часть участников опроса отнесла себя к служащим (77,9 %). Кроме того, 7,4 % записались как крестьяне; 5,3 % — пенсионеры; 4,7 % — рабочие; 2,6 % — учащиеся; 2,1 % — другие³⁰. Такое распределение было ожидаемым, если учесть, что движущей силой национального движения являлась городская и сельская интеллигенция.

Основная часть делегатов обладала дипломами об окончании вузов — 74,7 %; 6,8 % имели неоконченное высшее образование, 10,5 % — среднее специальное, 5,8 % — среднее; 1,6 % окончили восьмилетнюю школу; 0,5 % не дали ответа на вопрос³¹.

Опрос также показал, что наибольшую активность при выдвижении на съезд проявили люди среднего возраста. Так, наиболее многочисленной оказалась группа делегатов от 41 до 50 лет (35,8 %), далее следовала группа от 31 до 40 лет (27,9 %). Респонденты от 51 до 60 лет составили 18,9 %, молодые люди до 30 лет — 11,1 % и совсем немного было делегатов старше 60 лет — 6,3 %³².

Отвечая на вопрос о национальной принадлежности, более половины делегатов отнесли себя к эрзянам — 54,7 %, мокшане со-

ставили 37,4 %. Русскими назвались 3,2 % опрошенных, татарами — 0,5 %, представителями других национальностей — 3,7 %; 0,5 % респондентов уклонились от ответа³³.

Ход работы съезда

После утверждения повестки дня и решения других организационных моментов съезд начал свою работу. Основным вопросом, вынесенный на обсуждение, был обозначен как «Проблемы возрождения и развития мордовского народа». С приветственным словом выступили руководители республики — Председатель Верховного Совета МССР Н. В. Бирюков и Президент МССР В. Д. Гусянников. Президент, по всей видимости, не являлся сторонником проведения съезда в таком широком формате (в своих мемуарах он писал, что лидеры обществ «Масторавы» и «Вайгель» просили у него на организацию полмиллиона рублей, что в экономических условиях начала 1990-х гг. Гусянников посчитал слишком тяжелым бременем для регионального бюджета)³⁴, но должен был присутствовать на съезде как руководитель республики. Стоит отметить одну деталь: Гусянников обратился к съезду лишь вторым, после Председателя Верховного Совета. Именно такая очередность выступлений, несмотря на статус президента как высшего должностного лица МССР, была предусмотрена программой съезда³⁵. Многие участники съезда относились к президенту с нескрываемой враждебностью, резко критиковали как его самого, так и его правительство. «Мне было там очень некомфортно, — вспоминал В. Д. Гусянников. — Меня несколько раз ругали с трибуны только за то, что я — русский. Я хотел даже покинуть президиум съезда, но сидящий рядом П. Д. Грузнов удержал меня и посоветовал перетерпеть слишком бурные выступления. Многие меня сторонились на съезде, и только члены делегации Ста-

На I съезде мордовского народа. 1992 г. Фото из личного архива А. С. Лузгина

рошайговского района попросили меня сфотографироваться вместе с ними³⁶. Хотя некоторые из умеренных делегатов призывали прекратить нападки на президента, В. Д. Гусянников не явился на второй день съезда³⁷.

Впрочем, критика раздавалась и в отношении других гостей, занявших места в президиуме, в том числе Н. В. Бирюкова³⁸.

Центральным и наиболее запоминающимся выступлением на съезде стала яркая, образная речь председателя «Масторавы» Д. Т. Надькина, поднявшегося на трибуну сразу после руководителей МССР. Имеет смысл хотя бы кратко коснуться основных ее моментов, поскольку в ней отразилось не только личное мнение докладчика, но и главные политические требования «Масторавы», выдвигавшиеся в то время. «Собственно говоря, это был не столько доклад, сколько проникновенное размышление об исторической судьбе мокшан и эрзян³⁹, — отмечали журналисты «Советской Мордовии», освещавшие проведение съезда.

Профессор Мордовского педагогического института начал выступление с горькой констатации сложившегося положения, при котором возникла угроза ассимиляции мордовского народа: «Ибо

речь идет о том, быть или не быть эрзянам и мокшанам в человеческом многоцветье⁴⁰. По его мнению, ассимиляции народов России, деградации их культуры и языков способствовала тоталитарная большевистская идеология, последствия которой все еще не были изжиты. МССР Д. Т. Надькин назвал «иллюзией государственности эрзян и мокшан», при этом подчеркнув, что народ эрзя и мокша является национальным меньшинством в своей республике, не имеет «контрольного пакета в Верховном Совете», и существует «постоянная угроза ликвидации даже этой весьма иллюзорной государственности⁴¹.

Чтобы избежать ассимиляции, председатель «Масторавы» предлагал внести ряд поправок в Конституцию МССР, которые отражали бы политические требования мордовского национального движения. Некоторые из них были достаточно радикальными: выдвигались такие предложения, как предоставление права гражданства диаспоре мокшан и эрзян; введение в Мордовии двухпалатного парламента с палатой республики и палатой национальности; «великое собрание эрзян и мокшан» — Инекужо, а также его исполнительный комитет должны

были стать постоянно действующими институтами; за пределами МССР в местах компактного проживания мокшан и эрзян предлагалось организовать национальные районы, волости, сельские Советы; к Президенту МССР, а также министрам, отвечавшим за культуру, образование и печать, предъявлялось требование о знании мордовских языков⁴².

Говоря о возрождении мордовского народа, особое значение Д. Т. Надькин придавал трем составляющим — культуре, языку и исторической памяти народа. «Но память одна — бесплодна, — говорил профессор, — как бесплодно корневище без корня. Культура, язык и память — вот Святая Троица любого народа, гарант его бессмертия»⁴³. Доминантной в этом триединстве Надькин считал язык, значение которого тем более возрастает, чем сильнее рассредоточение, дисперсность народа. «Родной язык — моя Родина. Поэтому предметом особой заботы должны стать наши родные — эрзянский и мокшанский языки»⁴⁴, — подчеркивал он. Продолжая рассуждать на эту тему, Надькин призывал к развитию эрзянской и мокшанской школы, национальной сельской культуры, печати, СМИ на мордовских языках.

В конце выступления оратор коснулся наиболее, по его словам, «деликатной проблемы», связанной с терминологией. Д. Т. Надькин полагал, что следует отказаться от названия «мордва», поскольку «эрзяне и мокшане — два народа, впрочем, очень близких и сознающих свою близость». Но далее он подчеркивал: «Разбегаться мокшанам и эрзянам не следует... Мы разделились, но ведь все время рядом. В этом, видимо, наша судьба и надежда»⁴⁵. Завершил свою речь Надькин на позитивной ноте, указав на перемены к лучшему в жизни эрзянского и мокшанского народа, примером чего, в частности, служил проходивший съезд. Оратор также подчеркнул, что «одна из главных задач съезда —

консолидация всех наций, проживающих в нашей республике и Волжско-Уральском регионе»⁴⁶.

Речь профессора Д. Т. Надькина получила горячий отклик среди присутствующих и была встречена овациями. «Выступление его было воспринято очень бурно, — рассказывал В. Ф. Кирдяшов. — Ему хлопали, как выдающемуся артисту. Лидеры такого уровня редки, к сожалению. После него такого лидера [в национальном движении] не было»⁴⁷.

После основного доклада начались продолжительные прения. Одним из первых выступил народный писатель Мордовии К. Г. Абрамов, предложивший создать общероссийскую мордовскую газету. О «духовном возрождении нации» говорил главный редактор журнала «Мокша» Г. И. Пинясов, также упрекнувший президента республики в незнании мордовского языка. Профессор Мордовского государственного университета М. В.

Мосин обратил внимание на «национальный нигилизм», который приводит к утрате языка и культуры, и на проблемы, связанные с отсутствием конкурса при поступлении на национальное отделение вуза. К сохранению чувства меры, взвешенному отношению назревших национальных проблем призывали присутствующих литераторов Г. И. Горбунов⁴⁸.

Но с трибуны доносились и более радикальные мнения. Например, раздавались предложения о фактическом создании параллельной власти путем избрания исполкома съезда, который впоследствии станет «второй палатой» Верховного Совета МССР с правом вето; о введении процентного национального представительства в органах власти; переименования республики в Мокшэрзянскую и др.⁴⁹ Часть наиболее резких высказываний, произведших, по мнению Д. В. Доленко, «шокирующее впечатление» на многих участни-

«Эрзянь правда». 1992 г. 17 марта

ков съезда⁵⁰, допускали представители мордовской диаспоры из-за пределов республики.

К сожалению, работать исключительно в «конструктивном, спокойном русле», как призывал Президиум Верховного Совета в вышеупомянутом постановлении от 26 февраля 1992 г., не получилось. Наряду с конструктивной критикой и возражениями отдельные делегаты и участники допускали резкие, бескомпромиссные высказывания, порой граничившие с прямыми оскорблениями. Н. М. Лобанов, принимавший участие в проходивших в других регионах национальных форумах, отмечал по этому поводу, что «наш съезд, наверное, был самым острым среди других финно-угорских съездов»⁵¹. Журналисты «Советской Мордовии» описали несколько довольно курьезных случаев: «Были и схватки у микрофонов в зале. Настоящую потасовку устроил представитель самарской диаспоры Сергей Николаев. Делегатам пришлось силой оттащить его от микрофона. Под руки уводили несколько раз и неизвестного мужчину в галстук „бабочка“, неоднократно пытавшегося обратиться к съезду с балкона... Прямо на съезде сдал свой мандат в знак протеста делегат из Инсара В. Е. Русяев. Наши соседи в зале — из самарской и пензенской делегаций — сказали, что все это оставило в их душе горький осадок»⁵².

К обеду первого дня атмосфера накалилась до предела, но к вечеру кипевшие страсти немного утихли. Вероятно, этому способствовал и концерт, который начался после обеда. «Я на съезде отвечал за культурную программу, был ведущим всех концертных программ, которые там были. Сопровождающей со мной была Маризь Кемаль (Раиса Кемайкина), — рассказывал Н. М. Лобанов. — Мы постарались немного смягчить этот накал, когда после обеда представлялись концертные программы...»⁵³. Перед делегатами и гостями съезда выступали националь-

ные коллективы и артисты, включая фольклорный ансамбль «Торамма» под руководством В. Ромашкина, Государственный ансамбль песни и танца «Умарины»; народную артистку РСФСР и МАССР Марию Антонову, народную артистку РСФСР Александру Куликову, народную сказительницу Серафиму Люлякину и других известных исполнителей.

На второй день работа съезда проходила уже в более умеренной, спокойной форме. Делегаты лучше контролировали свои эмоции и высказывались по обсуждаемым проблемам более взвешенно⁵⁴.

Всего за два дня удалось выйти за трибуну около 30 делегатам, хотя для выступления записались более 70 чел. Примечательно, что большинство выступало на мокшанском и эрзянском языках, а слова студента Анатолия Поляева, призвавшего всех участников съезда говорить только по-мордовски, вызвали большой отклик в зале⁵⁵.

По итогам двухдневных прений съезд принял декларацию, резолюцию, регламент и ряд других документов, включая обращение в Организацию непредставленных народов для вступления в ООН; резолюцию о сокращении числа исправительно-трудовых колоний на территории МССР; обращение к Верховному Совету РФ с предложением безотлагательно созыва съезда народов России; решение об основных принципах создания конституционного механизма гарантий права мордовского народа на национальное самоопределение в рамках будущего конституционного устройства МССР.

В декларации съезд констатировал политику «этноцида», проводившуюся в отношении мордовского народа и вызвавшую «серьезные деформации», в том числе нарастающую утрату национально-культурной самобытности. Поэтому «приоритетным направлением деятельности патриотических сил мокшан и эрзян должно стать возрождение их этнического

самосознания, культуры и языка»⁵⁶. При этом, касаясь вопросов национально-культурного возрождения, съезд выдвинул и связанные с государственным устройством политические требования, нашедшие отражение в его резолюции — например, о внесении в закон о Президенте МССР пункта о владении высшим должностным лицом республики одним из мордовских языков; об обязательном знании мокшанского либо эрзянского языка членами правительства, ведающими культурой, печатью и информацией; о наделении съезда и Совета съезда правом законодательной инициативы; о создании Госкомитета МССР по делам национальностей и др. Съезд просил Верховный Совет МССР «в первоочередном порядке» принять законы о статусе съезда мордовского народа, о гражданстве и миграции, о референдуме, о статусе национального села и некоторые другие⁵⁷. В документах закрепились также идея о создании «профессионального двухпалатного парламента», одна из палат которого состояла бы только из мокшан и эрзян⁵⁸.

Стоит, однако, отметить, что наиболее радикальные идеи, высказанные отдельными участниками, не нашли отражения в итоговых документах съезда. Так, при обсуждении регламента съезда возникли продолжительные споры по поводу того, какую формулировку использовать — «мордовский народ» или «народ мокша и эрзя»? В итоге большинство делегатов остановилось на первом варианте⁵⁹. В резолюции съезд подтвердил приверженность «многовековой общности мордвы, русского и других народов» и заявил о недопустимости «разрушения этой общности». Съезд также подчеркнул значимость консолидации усилий представителей всех проживающих в Мордовии национальностей⁶⁰.

Наконец, был образован Совет съезда, включавший 81 чел. (избрано было 78), а также посто-

янно действующий исполком Совета. Сопредседателями Совета стали доцент Мордовского государственного университета И. А. Ефимов (эрзя) и главный редактор журнала «Мокша» Г. И. Пинясов (мокша)⁶¹. Формирование постоянно действующего рабочего органа имело достаточно большое значение, поскольку таким образом национальное движение делало первый шаг в стремлении придать съезду мордовского народа формальный статус и, что было еще более важно, — обеспечивало возможность продолжать влиять на политику властей МССР и России, добиваться от них реализации принятых в резолюциях съезда решений.

Итоги съезда

Как правило, исследователи позитивно оценивают итоги Первого Всероссийского съезда мордовского народа. В. К. Абрамов пишет, что съезд «явился выдающимся событием в истории мордовского народа. Он не только продемонстрировал его единство, традиционную стойкость и жизнеспособность, но и выразил отношение к происходившим в стране социально-политическим процессам...»⁶². «Значение съезда, безусловно, было очень большим, — отмечает В. В. Маресьев. — Провозглашение его постоянно действующим органом и избрание рабочего органа — Совета съезда, предполагало его активное вмешательство в принятие политических и экономических решений. Он стал толчком к росту национального самосознания мордовского народа, к консолидации, к преодолению национального нигилизма»⁶³.

Лидеры мордовского национального движения, как и многие из участников «великого собрания», тоже рассматривали итоги его работы положительно, хотя в их оценках и содержалась констатация недостатков. Так, 6 апреля 1992 г. на заседании Комиссии Верховного Совета МССР по вопросам национальной политики,

культуры и гласности Г. И. Пинясов говорил: «На наш взгляд, съезд прошел нормально. Цели и задачи в основном достигнуты... Что касается освещения работы съезда средствами массовой информации, то, на мой взгляд, оно не совсем справедливо. Мы ни в какой мере не ставим перед собой цель разжигать межнациональные страсти. Съезд, конечно, переболел болезнью Российского парламента... Но было много конструктивного»⁶⁴. С этим мнением соглашался также выступавший на заседании комиссии И. А. Ефимов⁶⁵. Н. М. Лобанов, вспоминая события 1992 г., отмечал: «На мой взгляд, съезд мордовского народа оставил по большей части добрый след, несмотря на то, что много там было и негативного»⁶⁶.

Президиум Верховного Совета, принимавший непосредственное участие в организации национального форума, в общих чертах высоко оценил его работу. В своем постановлении от 27 марта 1992 г. президиум охарактеризовал съезд как важное событие в общественной жизни Мордовии и Российской Федерации. Он также поручил постоянным комиссиям Верховного Совета разработать мероприятия по реализации предложений и замечаний, высказанных на съезде, и совместно с Правительством МССР внести их на рассмотрение сессии высшего законодательного органа республики⁶⁷. В соответствии с этим постановлением, например, членов президиума Совета съезда было решено приглашать на заседание Комиссии Верховного Совета МССР по вопросам национальной политики, культуры и гласности, сама же комиссия должна была оказывать «содействие в организации работы Совета съезда»⁶⁸.

Спорным представляется вопрос о реальном влиянии съезда на кадровую политику В. Д. Гусляникова. Например, О. А. Виноградов, требование об отставке которого раздавалось на съезде, продолжал оставаться на своем посту до 1993 г., когда все правительство демократов было отстра-

нено от власти. Вместе с тем благодаря съезду Гусляников несколько смягчил свою позицию, открыто признав необходимость учитывать национальный фактор при выработке кадровых решений и в социальной политике⁶⁹.

В целом же практические результаты съезда оказались куда более скромными, чем могли рассчитывать его организаторы. К сожалению, в условиях разразившегося в стране социально-экономического и политического кризиса 1990-х гг. власти, как федеральные, так и региональные, зачастую не обращали должного внимания на проблемы языков, культуры и образования. Так, несмотря на усилия национальной интеллигенции, в 1992 г. не удалось добиться принятия закона о языках (он был принят лишь в первом чтении). Государство не спешило внедрять в жизнь реальные меры по возрождению национальной школы, улучшению доступности изучения предметов на мордовских языках. Оказалась проигнорирована властями также резолюция съезда о сокращении исправительных учреждений на территории республики и ряд других требований.

Для национального движения было особенно важно придать официальный статус как самому съезду, так и его постоянно действующим органам. Исполком Совета съезда обращался к Председателю Верховного Совета Н. В. Бирюкову с просьбой рассмотреть этот вопрос, ссылаясь на опыт Республики Коми, где был принят закон «О статусе Съезда коми народа»⁷⁰. Директор Национальной библиотеки имени А. С. Пушкина Н. И. Чиняев говорил по этому поводу: «Мы хотим, чтобы Совет съезда имел юридическое лицо, имел бы свой лицевой счет. Надо, чтобы на сессии [Верховного Совета] данный Закон был принят»⁷¹. Однако законопроект «О статусе съезда мордовского народа», внесенный исполкомом Совета съезда, не был допущен на рассмотрение депута-

тов законодательного органа республики отделом по вопросам законодательства, законности и правопорядка аппарата Верховного Совета: там посчитали, что с принятием такого закона в Мордовии возникнет параллельная властная структура, что противоречило бы действующей конституции. Соответственно, придание съезду официального статуса могло быть рассмотрено только после внесения поправок в Конституцию МССР. К тому же, у самого съезда не был принят устав, без которого его невозможно было зарегистрировать в Министерстве юстиции как общественную организацию. В итоге 18 декабря 1992 г. Комиссия Верховного Совета МССР по вопросам национальной политики, культуры и гласности отклонила предложение о принятии закона о статусе съезда⁷².

Уже к середине 1992 г. национальное движение Мордовии вошло в кризисную фазу. Часть руководства Совета съезда во главе с Г. И. Пинясовым стремилась к сотрудничеству с Верховным Советом МССР, в то время как другая часть, наиболее ярким представителем которой был И. А. Ефимов, оставалась оппозиционной по отношению к власти⁷³. Назревал и раскол между эрзянами и мокшанами внутри «Масторавы», который усугубился после преждевременной смерти лидера общества Д. Т. Надькина в июле 1992 г. Прошедший съезд, таким образом, продемонстрировал единство мокшан и эрзян, но в то же время не смог надолго обеспечить консоли-

дацию национальной интеллигенции и всех сил, стремившихся к этнокультурному возрождению и развитию мордовского народа.

Тем не менее было бы в корне неправильно оценивать Первый Всероссийский съезд мордовского народа исключительно с точки зрения практических достижений, связанных с текущей политической обстановкой, поскольку его значение выходило далеко за их рамки. «Великое собрание» можно рассматривать как своеобразный промежуточный итог и одновременно вершину мордовского национального движения рубежа 1980 — 90-х гг. Съезд позволил высветить глубокие проблемы, существовавшие в этой области и десятилетиями копившиеся в обществе. Открытое их обсуждение, проведенное без оглядки на идеологию и всесильную Коммунистическую партию стало для Мордовии новым, необычным явлением, привлекая большое внимание общества. В этом плане немало важно отметить, что съезд также являлся ответом на политику советских и партийных органов власти, далеко не всегда осуществлявших свою деятельность с учетом интересов коренных народов, не принимавших достаточных мер для сохранения национальной культуры, традиций, языков.

Отдельно стоит сказать о различном роде «экссессах», в основном связанных с политизацией съезда и выдвигавшимися на нем требованиями, явно выходящими за пределы возрождения культуры и языков. Подобные идеи во

многом были отражением сложного периода перемен, когда разрушался привычный уклад жизни, а вся страна погружалась в системный кризис. Но, как уже отмечалось, наиболее радикальные из них не отражали взглядов большинства участников съезда и в итоге не оказали существенной роли на дальнейшее развитие республики. Иначе вряд ли могло быть, поскольку попытки некоторых республиканских политиков разыграть национальную карту просто не находили поддержки в обществе. Например, во время проведенного в Саранске 7 — 8 марта 1992 г. социологического опроса, 87,5 % его участников ответили, что в республике нет проблем в межнациональных отношениях, при этом более 90,0 % респондентов заявили, что национальность не должна ставиться во главу угла при выработке кадровых назначений во власти⁷⁴.

Съезд, таким образом, показал возможности самоорганизации национального движения, состоявшегося из людей, небезразличных к судьбам их народа и малой родины. Он способствовал росту самосознания мордовского народа, установлению связей с мордовскими диаспорами за пределами региона, сыграл большую роль в поддержании мокшанского и эрзянского языков, национальной культуры и обычаев. В итоге съезд стал важным этапом в развитии мордовского национального движения и Мордовской республики как части многонационального Российского государства.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

- ¹ Кирдяшов В. Ф. Записано 17.01.2022 // Текущий архив отдела истории НИИГН.
- ² Абрамов В. К. Мордвины вчера и сегодня : Краткие очерки мордовской государственности и национального движения. Саранск, 2002. 240 с. ; Его же. Мордовское национальное движение. Саранск, 2010. 184 с.
- ³ Маресьев В. В. Общественные движения в Мордовии : аналит. обзор // Общественные движения в Мордовии : док. и материалы. М., 1993. С. 15 — 91 ; Его же. Становление и развитие новых общественно-политических объединений

- в Мордовии в 1988 — 1992 гг. Этнический фактор : автореф. дис. на соиск. учен. степ. канд. ист. наук. М., 1996. 22 с.
- ⁴ Утешев А. А., Щербакова Т. И. Национальная политика в Республике Мордовия в конце XX — начале XXI века // Мордва : Очерки по истории, этнографии и культуре мордовского народа. Саранск, 2004. С. 137 — 156.
- ⁵ Юрчёнков В. А. Масторава: основные тенденции развития // Этнографическое обозрение. 1994. № 1. С. 15 — 23 ; Его же. Национальные общественно-политические организации Мордовии (1990-е гг.) // Мордовия в период ре-

- форм : материалы II Меркушкин. науч. чтений. Саранск, 2001. С. 364 — 375.
- ⁶ Айзятова Л. Ф. Трансформации этнических систем в условиях модернизации регионального социума : дис. на соиск. учен. степ. канд. филос. наук. Саранск, 2012. С. 105 — 108 ; Имяреков В. С. Общественно-политическое развитие Мордовии во второй половине 1980-х — 1990-х гг.: основные тенденции : автореф. дис. на соиск. учен. степ. канд. ист. наук. Пенза, 2006. 21 с.
- ⁷ XXII съезд КПСС (17 — 31 октября 1961 года) : стеногр. отчет. М., 1962. Т. 1. С. 153.
- ⁸ Конституция (Основной закон) СССР. Принята на внеочередной седьмой сессии Верховного Совета СССР девятого созыва 7 октября 1977 г. М., 1977. С. 2.
- ⁹ Заседания Верховного Совета Мордовской АССР. Двенадцатая (внеочередная) сессия одиннадцатого созыва (22 сентября 1989 г.) : стеногр. отчет. Саранск, 1990. С. 26.
- ¹⁰ См.: Маресьев В. В. Указ. соч. С. 18.
- ¹¹ Там же.
- ¹² См.: Щукин Д. С. Партийно-государственные органы и творческие союзы МАССР в 1953 — 1985 гг. // Вестник НИИ гуманитарных наук при Правительстве Республики Мордовия. 2011. № 1 (17). С. 214.
- ¹³ Центральный государственный архив Республики Мордовия. Ф. Р-234. Оп. 8. Д. 234. Л. 109. (Далее — ЦГА РМ).
- ¹⁴ См.: Материалы Пленума Центрального Комитета КПСС, 19 — 20 сентября 1989 г. М., 1989. С. 215.
- ¹⁵ Там же. С. 218.
- ¹⁶ См.: Конищенко Ж. Д., Юрчёнков В. А. На пороге реформ : Общественно-политическая жизнь Мордовии в первой половине 1990-х годов. Саранск, 2006. С. 144.
- ¹⁷ См.: Юрчёнков В. А. Национальные общественно-политические организации Мордовии... С. 365 — 366.
- ¹⁸ См. например: Дорога в никуда : Открытое письмо правления общества национального возрождения «Масторава» в Верховный Совет // Мордовия. 1992. 28 февр. ; Студенты против министра : Открытое письмо в Верховный Совет Мордовской ССР // Там же.
- ¹⁹ Юрчёнков В. А. Масторава... С. 19.
- ²⁰ См.: Маресьев В. В. Указ. соч. С. 68.
- ²¹ Кирдяшов В. Ф. Указ. соч.
- ²² ЦГА РМ. Ф. Р-234. Оп. 10. Д. 1443. Л. 9.
- ²³ Общественные движения в Мордовии : док. и материалы. С. 202.
- ²⁴ ЦГА РМ. Ф. Р-234. Оп. 10. Д. 1448. Л. 2 — 3.
- ²⁵ Лобанов Н. М. Записано 14.01.2022 // Текущий архив отдела истории НИИГН.
- ²⁶ Кирдяшов В. Ф. Указ. соч.
- ²⁷ См.: Ивашкин Н., Калитина Т., Кириченко Т., Сайгин В. Шкамаравы и идемевсь Инекужо // Советская Мордовия. 1992. 17 марта.
- ²⁸ Лобанов Н. М. Указ. соч.
- ²⁹ См.: Маресьев В. В. Указ. соч.
- ³⁰ См.: Справка по результатам экспресс-опроса делегатов 1-го Всероссийского съезда мордовского народа // Текущий архив отдела истории НИИГН.
- ³¹ Там же.
- ³² Там же.
- ³³ Там же.
- ³⁴ См.: Гусянников В. Д. Теория надежности : автобиограф. очерк. Саранск, 2019. С. 128.
- ³⁵ См.: Программа работы Первого съезда мордовского народа // Текущий архив отдела истории НИИГН.
- ³⁶ Гусянников В. Д. Указ. соч. С. 129.
- ³⁷ См.: Ивашкин Н., Калитина Т., Кириченко Т., Сайгин В. Указ. соч.
- ³⁸ Лобанов Н. М. Указ. соч.
- ³⁹ Ивашкин Н., Калитина Т., Кириченко Т., Сайгин В. Указ. соч.
- ⁴⁰ Доклад председателя общества «Масторава» Д. Т. Надькина на I Всероссийском съезде мордовского народа : Проблемы возрождения эрзян и мокшан // Общественные движения в Мордовии. С. 210.
- ⁴¹ Там же. С. 211.
- ⁴² Там же. С. 211 — 212.
- ⁴³ Там же. С. 213.
- ⁴⁴ Там же. С. 216.
- ⁴⁵ Там же. С. 220.
- ⁴⁶ Там же. С. 221.
- ⁴⁷ Кирдяшов В. Ф. Указ. соч.
- ⁴⁸ См.: Ивашкин Н., Калитина Т., Кириченко Т., Сайгин В. Указ. соч.
- ⁴⁹ Там же.
- ⁵⁰ См.: Доленко Д. Граждане 1-й, 2-й, 3-й степени... // Мордовия. 1992. 10 апр.
- ⁵¹ Лобанов Н. М. Указ. соч.
- ⁵² Ивашкин Н., Калитина Т., Кириченко Т., Сайгин В. Указ. соч.
- ⁵³ Лобанов Н. М. Указ. соч.
- ⁵⁴ Там же.
- ⁵⁵ См.: Ивашкин Н., Калитина Т., Кириченко Т., Сайгин В. Указ. соч.
- ⁵⁶ Декларация Первого Всероссийского съезда мордовского народа // Общественные движения в Мордовии. С. 202.
- ⁵⁷ Резолюция Первого Всероссийского съезда мордовского народа // Там же. С. 206 — 207.
- ⁵⁸ См.: Решение об основных принципах создания конституционного механизма гарантий права мордовского народа на национальное самоопределение в рамках будущего конституционного устройства Мордовской ССР // Там же. С. 209.
- ⁵⁹ См.: Ивашкин Н., Калитина Т., Кириченко Т., Сайгин В. Указ. соч.
- ⁶⁰ См.: Резолюция Первого Всероссийского съезда мордовского народа. С. 208.
- ⁶¹ См.: Ивашкин Н., Калитина Т., Кириченко Т., Сайгин В. Указ. соч.
- ⁶² Абрамов В. К. Мордовское национальное движение. С. 139.
- ⁶³ Маресьев В. В. Указ. соч. С. 70.
- ⁶⁴ ЦГА РМ. Ф. Р-234. Оп. 10. Д. 1476. Л. 1 — 2.
- ⁶⁵ Там же. Л. 2.
- ⁶⁶ Лобанов Н. М. Указ. соч.
- ⁶⁷ ЦГА РМ. Ф. Р-234. Оп. 10. Д. 1450. Л. 3 — 4.
- ⁶⁸ Там же. Д. 1476. Л. 5.
- ⁶⁹ См.: Юрчёнков В. А. Национальные общественно-политические организации Мордовии... С. 367.
- ⁷⁰ ЦГА РМ. Ф. Р-234. Оп. 10. Д. 1476. Л. 67.
- ⁷¹ Там же. Л. 62.
- ⁷² Там же. Л. 89.
- ⁷³ См.: Айзятова Л. Ф. Указ. соч. С. 107.
- ⁷⁴ См.: В зеркале общественного мнения // Советская Мордовия. 1992. 14 марта.